

1150-ЛЕТИЕ РОССИИ

Византийский император Константин Багрянородный лично описал приём киевской княгини Ольги в Константинополе. Хроника германского императора Оттона I знает её как королеву. Русской Православной Церковью она канонизирована как «равноапостольная». О деятельности Ольги знают все, читавшие хотя бы школьный учебник; вернее, думают, что знают. А насколько важную роль сыграла в нашей истории святая благоверная княгиня Ольга? Об этом пишет доктор исторических наук Андрей БОГДАНОВ.

Первостроительница государства Российского

Архонтисса и королева

Великие историки XIX века, начиная с Н. М. Карамзина и С. М. Соловьёва, писали об Ольге как верной жене князя Игоря и заботливой матери подрастающего князя Святослава, говорили о «правлении Ольги», будто бы и не знали Софийской первой летописи или Степенной книги, где киноварью выделены главы: «**Княжение Ольгино**». В этом проявилась характерная черта европейской историографии XIX–XX веков – умаление роли женщины. Чего же не заметили историки в известных им источниках о княгине Ольге?

Все необходимые материалы для оценки государственной роли Ольги исследователи, казалось бы, могли почерпнуть из «Повести временных лет»: она была составлена в начале XII века, минимум через 165 лет после начала «устроения» Руси княгиней. Однако в конце XIX века академик А. А. Шахматов, сопоставляя летописи южно-русского и северорусского происхождения, выявил содержание предшествующего им текста – протографа, определив его как Начальный свод. Работа в этом направлении продолжалась. И полемика в связи с ней. Сегодня мы можем говорить и о таком раннем источнике русского летописания, как Сказание о русских князьях X века. Этот протограф славянской историографии, который мы назовём Древнейшим сказанием, написан, когда ещё была свежа память о временах Ольги (после её смерти прошло от 11 до 48 лет). Рассказ о княгине входит сюда как его начальная, наиболее драматическая часть. Оставшаяся без мужа Ольга, с маленьким сыном, но без дружины, что

называется голыми руками подавила восстание древлян, установила в стране единые законы, ввела налоги, обустроила пути сообщения, съездила в Царьград, приняла христианство и мирно наладила отношения с Византией, перехитрив императора. Несоответствие этих достижений ничтожным средствам, которыми располагала княгиня Ольга, потрясло автора. Однако сказитель не ограничился рассказом об образцовой мести Ольги за мужа и не просто описал её подвиги – он начал с них **историю Русского государства**.

Краткий рассказ сказителя о князе Игоре, который «сидел» в Киеве, а затем брал дань с древлян, вполне анекдотичен. Его суть в том, что дружина ленивого мужа Ольги сидела без «портов», а двинувшись за данью, творила насилие и потеряла князя, назидательно казнённого древлянами. Можно было бы посчитать рассказ об Игоре лишь удачным зачином сказания о мести Ольги, если бы князь не упомянул в таком же точно контексте Лев Дьякон – византийский историк второй половины X века...

Здесь уместно вспомнить, что не Игорь, а его жена Ольга была первой из русских правителей, чьё имя стало известно за рубежом настолько, чтобы его стоило упоминать. Император Константин VII Багрянородный в книге «О церемониях византийского двора» описал беспрецедентно почётные в ромейской дипломатической практике приёмы в своём дворце «Эльги, архонтиссы России», не упоминая о её муже и крещении. Оба «упущения» лично принимавшего Ольгу императора поправил в XI веке византийский хронист Иоанн Скилица: «Супруга государя Руси, некогда приводившего флот против ромеев, по имени Эльга,